

*А. Н. Сорокин*¹

ПОЛЕМИКА С Г. П. ГРИГОРЬЕВЫМ: ИЗ ИСТОРИИ ОДНОЙ ЗАЩИТЫ

Сорокин А. Н. Полемика с Г. П. Григорьевым: из истории одной защиты

This paper describes an episode from the history of archaeology, namely A.N. Sorokin's doctoral thesis defence at a viva voce. G.P. Grigoriev was Sorokin's opponent. Records of the presentation and the subsequent debate are included.

Жизнь нечасто сводила меня с Геннадием Павловичем, хотя знаком был с ним без малого 40 лет начиная с осени 1973 г. Так вышло, что даже до Авдеева, где он бывал ежегодно, доехать мне не довелось. Это особенно досадно, ибо без впечатлений от этой стоянки при всем богатстве биографии в моем «археологическом фундаменте» не хватает особого «камешка». А кроме того, — я глубоко уверен — общение в поле не заменить ничем другим. Тем не менее в моей биографии Г.П. Григорьеву довелось сыграть важную, чтобы не сказать судьбоносную роль. В 2000 г. он выступал оппонентом на защите моей докторской диссертации, и так уж вышло, что именно его отзыв оказался наиболее обстоятельным, дотошным и критическим, чем доставил мне немало проблем.

Отзывы на диссертации — это особый вид научной работы, где чаще всего проявляются результаты творчества их авторов, не предназначенные, как правило, для публикации. Несмотря на известные каноны, неизбежно присущие им, они не отягощены обширным справочным аппаратом, свободны по форме и тематике и в силу этого в наи-

большей мере могут отразить эрудицию пишущего, его свободу владения материалом и теорией, а также своеобразие авторского стиля, не зашоренного авторитетом главного редактора, придирчивостью рецензентов и педантизмом корректора. Вот и в конкретном случае авторство и своеобразие стиля оппонента даже без стандартного упоминания его фамилии, имени, отчества узнаются без труда. Подобный сюжет, связанный с Г.П. Григорьевым и моей защитой, я и хочу предложить вниманию читателя. Уверен, что для истории науки подобный сюжет имеет ничуть не меньшее значение, чем статьи и даже монографии, вышедшие из-под пера конкретного исследователя.

Нимало не преувеличивая своей роли в археологии, полагаю тем не менее, что отзыв Г.П. Григорьева и мой ответ на него представляют не только частный интерес, они дают адекватное представление о состоянии археологии каменного века двенадцатилетней давности. Казалось бы, и прошло-то всего ничего — одна дюжина лет, а ведь в двухтысячном не существовало даже такого понятия, как «мезолитоведение». Не говорю уже о том, что многие обсуждавшиеся тогда проблемы, такие как традиция, трансформация, источ-

¹ Институт археологии РАН, Москва, Россия.

никоведение и т.д. и т.п., актуальны, более того, злободневны до сих пор. А значит, наша полемика может быть интересна и широкой современной аудитории. После этого небольшого комментария и предуведомления уместно перейти к самим документам. Итак, сначала воспроизвожу отзыв Г.П. Григорьева на диссертацию А.Н. Сорокина «Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы», хранящийся в моем архиве¹.

«Мезолит в Восточной Европе по степени изученности уступает соседней Польше, хотя наверно изучен лучше, чем мезолит Словакии и Чехии. Существенно то, что в изучении его всего-навсего идет вторая ступень: период изучения структуры явления, однажды уже нащупанного, когда выявляется территориальная группировка памятников и хронологические ступени. Диссертация А.Н. Сорокина как раз и посвящена, судя по первой половине заглавия, территориальным и хронологическим подразделениям восточноевропейского мезолита, другими словами — структуре этого явления, не так уж давно появившегося. Поскольку такие варианты уже были однажды выделены (в виде бутовской и иеневской культур), хотя и на другой узкой территории, он пытается установить отношения между ними и им самим выделенной группой стоянок — рессетинской. Территориальные подразделения лежат в основе всех построений, предполагающих происхождение групп памятников или передвижение населения, взаимные влияния разных групп друг на друга. Вынесенный в заглавие работы другой тезис: *Проблема источниковедения* отражает его глубокую убежденность, что пространственная структура мезолита Восточной Европы связано с пониманием культурного слоя мезолитических памятников. Это — одна из источниковедческих проблем каменного века, но, конечно, не вся проблема. Внимание к источниковедению — черта последних лет науки о каменном веке, и работы А.Н. Сорокина.

Замечательной стороной диссертационной работы А.Н. Сорокина является та, что определяется

первой половиной названия работы: *Мезолит Жиздринского Полесья*. Это глубокий, подробный анализ материала отобранных им как наиболее подходящих мезолитических стоянок, А.Н. Сорокин, не ограничиваясь описанием материала, определяет культурную принадлежность этих стоянок. Исходя из своих определений, развивая свое построение, А.Н. Сорокин углубляется в проблему соотношения между выделенными им культурными единицами. Описание им материала поражает своей тщательностью. Описаны и типы ядрищ, и заготовки для изготовления орудий, подсчитаны все мыслимые процентные соотношения и сведены в несколько таблиц. После описания материала по стоянкам идет еще раз анализ того же каменного материала по категориям, что, может быть, и излишне, но позволяет полнее представить материал.

Первая стоянка Жиздринского полесья, о которой идет речь — Красное 1 “Вася”, и почему-то об ее культурной принадлежности автор говорит наименее определенно. Оказывается, самое большое, что можно сказать о памятнике — это то, что материал похож и на иеневскую, и на деснинскую культуры, а к тому же отражает взаимодействие южно-уральского и среднеднепровского населения. И я думаю, здесь дело не в неуверенности автора, а в отсутствии оснований для распределения памятников по двум археологическим культурам (песочноровской и иеневской). Предписанные для них границы не обладают нужной определенностью, что автор и отразил своим неопределенным заключением. Как правило, исследователь определяет принадлежность того или иного памятника к определенной археологической культуре. Здесь же он ограничивается указанием на принадлежность к аренбургской традиции. Это (традиция) — наименее ясное понятие в кругу используемых автором. Понятно, что это нечто более общее, более широкое понятие, чем понятие археологическая культура. Но признаки этого единства (памятников одной традиции) не определены, а границы его неизвестны. То же можно сказать и о свидерской — постсвидерской традиции, хотя о ней А.Н. Сорокин много говорит в главе 7, пытаясь выяснить происхождение бутовской культуры. Уточняя положение материалов стоянки Красное 1 “Вася” в системе,

¹ Орфография и пунктуация оригинала сохранены.

он говорит о взаимодействии среднеднепровского населения и южно-уральского, что не делает положение более ясным. Прямых аналогий этому набору изделий он не видит (с. 99). Но общее сходство, говорит он, есть с памятниками Белоруссии и Украины: деснинской культуры и еще нескольких. Далее речь идет, но мимоходом, о примеси, и высокие трапеции определенно называются примесью (там же). Видимо, забыв о своей определенности, далее он говорит, что смешаны ли изделия на стоянке или нет — судить нет оснований (с. 102). Видимо, это обстоятельство очень интересовало его. Здесь он заводит речь о култинской культуре, которая, как ему кажется, проникла в Жиздринское полесье со Средней Волги, и, оказывается как в чистом виде, так и в смешанном (с. 103). Относительно другого пункта у того же села — Красного 3 у него нет колебаний — это бутовская культура, и к тому же в ее позднем выражении. Правда, у меня возникают сомнения, отчего же тогда Красное 1 “Вася” — не бутово? Ведь в обеих коллекциях имеются те же самые наконечники — свидерские и аренбургские. Конечно, можно уточнить их типологическую позицию, но категории останутся те же самые. Но об этом речь дальше.

Итак, два памятника возле одного села оказались относящимися к различным культурам. Третий памятник там же — Красное 8 “Пенешки” представлен А.Н. Сорокиным резко отличным от двух других, но не по культуроразличающим признакам. Так называемое охотничье вооружение (наконечники и остряки разного рода) — просто бедно: строго говоря, есть один наконечник — да и тот типа Хинтерзее. Он его относит к родственным иеневской и песочноровской культурам, точнее, к памятникам типа Студенок (с. 125). Конечно, интересно и негативное суждение исследователя: этот памятник не относится к бутовской культуре, но имеет бутовские черты. Несмотря на свои бутовские черты, он относится к Иенево — Песочному Рву: микролиты с затупленным краем и основанием, трапеции т.д. Упоминается и тип наконечника, но он — один. В качестве культуроразличающих признаков используются не наконечники, которых нет, а формы резцов и скребков. Видимо,

автор не согласен с тем, что им написано в 1990 году — что культуроразличение возможно не на основании скребков и резцов, а на основании наконечников.

Стоянки Рессета 2 и 3 представляют другой род памятников, их автор относит к особой культуре — рессетинской, каковую он выделил сам на основании этих памятников. Хочется увидеть что-то принципиально отличное от Бутово, Иенево и Песочного Рва. В качестве такового А.Н. Сорокин предлагает рессетинские остряки. Однако на основном памятнике Рессета 3 представлены и наконечники свидерского типа, и черешковые наконечники, которые А.Н. Сорокин предпочитает называть аренбургскими. Другими словами, здесь есть все то же, что и на других стоянках Жиздры, но еще и наконечники с боковой выемкой. Мне кажется, что, выделяя новый тип наконечника, А.Н. Сорокин испытал эмоциональное потрясение и переоценил распространенность этой разновидности. При спокойном отношении к делу можно говорить о единичных находках наконечников с боковой выемкой. Я предпочитаю говорить о единичности потому, что часть из изделий — это пластинки с притупленным краем, незаконченные обработкой (в Рессете 2 нет наконечников). Они в этом случае, как это хорошо известно, дают контур, напоминающий изделие с выемкой. В начале и в середине века такую же ошибку делали и специалисты по палеолиту, но затем это было понято. И конечно связывать их можно с костенковскими не с большим основанием, чем черешковые наконечники с Оки с наконечниками Аравийского полуострова. Если аравийские отделены от наших пространством, то граветские — временем. Они датируются около 22–23 000 лет, может быть, некоторые памятники доживают до 20 000 лет, но существенно, что все граветские памятники исчезают, не оставив никаких следов ни у нас, в Восточной Европе, ни в остальной Европе, хотя были распространены очень широко. Причем исчезают все стороны их культуры, нам известные — и их обширные поселения, и их огромные ямы для отбросов (так называемые землянки), и их искусство. Между граветскими памятниками и мезолитическими легли мадленские памятники с укороченными

ми (тарновскими) скребками, длинными проколами и орудиями Federmesser. Правда, в оправдание стремления А.Н. Сорокина найти себе хороших предков скажу, что у всех специалистов по мезолиту сложилась такая традиция. Одни ищут предков в Мезине, другие в памятниках деснинского палеолита, третьи говорят о местном палеолите не уточняя, что они имеют в виду. А предки имеются только у немецких и голландских мезолитических памятников типа маглемозе, северного круга по С. Козловскому. Скорее всего, эти попытки обречены на неудачу. Ведь сами специалисты по мезолиту (в том числе и наш автор, хотя и с многими оговорками) согласны в том, что мезолитические памятники в Восточной Европе — наследие свидерской культуры, широко распространенной в Польше. Это — новая культурная группа, которая распространена очень широко, от Прибалтики до Крыма. Мезолит — эпоха в развитии культуры Восточной Европы, не связанная с предшествующей — с палеолитом. И территория Польши была занята группами населения с орудиями, свойственными северному мезолиту, а памятники со свидерскими наконечниками исчезли. Я с сомнением смотрю на проникновение в Восточную Европу аренбургской культуры. Ее нет на территории Польши, (хотя теперь там находят наконечники аренбург). А новый культурный импульс поступил к нам отсюда, и это были памятники со свидерскими острьями. Я думаю, что А.Н. Сорокин прав, обратив внимание на типологическое своеобразие двух памятников на Рессете. Но далее необходимо было поставить вопрос, можно ли на основании двух памятников выделить археологическую культуру (или культурную группу, что очень похоже). За ответом на этот вопрос не надо ходить далеко. В работе А.Н. Сорокина содержатся критические замечания в адрес украинских и российских коллег (с. 387). Он отмечает, что выделение культур носит лавинообразный характер, и они выделяются вне зависимости от числа памятников и количества орудий. Он резко выступает против выделения культур на основании смешанных памятников (и я тоже). Поскольку он не исключает смешения материала в Рессете, я думаю, он согласен с тем, что выделение двух памятников на Рессете —

в качестве археологической культуры — преждевременно. Но он прав, обратив внимание на новые формы в мезолите. В самом деле, ведь материал из этих двух памятников включает и постсвидерские формы, и постаренбургские. Пластинки с притупленным краем здесь также представлены. Наблюдается сходство и в остальных формах. Уникальность рессетинских острий, действительно видимо не представленных в других памятниках (правда, Сорокин упоминает еще два у Суконцево и Борки), показывает спорность определения установленной А.Н. Сорокиным группы в качестве археологической культуры. Что касается микро-резцового скола, направленного от середины изделия к его концу, то замечу, что тут нет ударной площадки, заранее приготовленной, чтобы произвести этот скол, и потому это скорее брак, промах мастера, который, ретушируя край пластины, нажал слишком сильно. Я думаю, что А.Н. Сорокин уж слишком понадеялся на польских коллег, отметивших такой скол для изделий яниславицкого типа, которые он мимоходом упоминает, хотя не связывает свои, рессетинские изделия с яниславицкими. Поскольку это момент технический, вариант брака, то вполне понятно, что он не связан с какой-то определенной культурой. Правда, А.Н. Сорокин настаивает на том, что рессетинские памятники дают уникальный набор форм (с. 169), а не просто одну оригинальную форму. Однако позволю себе усомниться в этом. Тщательность, с которой он сообщает данные по отдельным раскопам, по сборам изделий из камня — позволяет говорить нечто противоположное — см. высказывание автора: “состав наконечников стрел отличается значительным разнообразием, тут присутствуют как традиционные для мезолита Волго-Окского бассейна типы, так и не встречавшиеся ранее серийно” (с. 223).

В самом деле, что-то уж очень много археологических культур появляется на ограниченной площади. Здесь выделены бутовская, иеневская, рессетинская, култинская и пургасовская культуры, а где-то рядом, на Десне еще и песочноровская культура. Одна из работ А.Н. Сорокина называется: “Парадоксы источниковедения мезолита Восточной Европы”. Мне кажется, парадоксальность —

примечательное качество всей работы Сорокина. Потратив половину своего текста (7 и 8 главы) на обоснование тезиса: невозможно строить археологические культуры и соответственно, доказывать взаимодействие культур на основании смешанных (предположительно) коллекций, именно их он положил в основание своих основных положений. Например, присутствие свидерской культуры в Восточной Европе им признается на основании коллекций из Смячки XIУ. Бутовская культура взаимодействовала с рессетинской, или даже происходит от нее, хотя возможно, коллекции из Ресеты 3 результат механического смешения. Рассмотрение набора орудий с многих пунктов (после рассмотрения их по раскопам) кончается соединением всех коллекций — и из раскопок, и подъемных.

Как всякая археологическая работа, диссертационное сочинение А.Н. Сорокина не обходится без соображений о хронологии памятников. Он строит последовательность памятников — групп памятников, где в основании, в конце плейстоцена, может быть, стоит рессетинский вариант \ культура, далее следует Пулли, а из него происходит бутовская культура. На все это отводится, по его расчетам, тысяча лет, или по триста лет на культуру. Но есть еще ранние памятники и поздние памятники рессетинской культуры, две ступени кундской культуры, где Пулли — ранний вариант, и далее — две группы бутовских памятников, более ранние и более поздние. Тогда на ступень приходится 100–150 лет! Но разбор А.Н. Сорокиным ступеней иеневской культуры в 1992/3 годах меня убеждает, что нельзя делить памятники на ранние и поздние по тем типологическим основаниям, что в одних есть трапеции, а в других нет. А что если это заключение справедливо и для Бутово, а не только для Иенево? В самом деле, Ресета — раньше Бутово, но и в Ресете есть все варианты наконечников стрел: аренбургские, свидерские и рессетинские. Сравнение типологии мезолитических памятников показывает, что они слишком однотипны, однообразны, чтобы делиться по формам наконечников или трапеций на ранние и поздние. И данные пыльцевого метода тут не помогают. В пределах пребореала и бореала (а это время су-

ществования всего мезолита, всей мезолитической эпохи) не было столь резких колебаний климата, чтобы их можно было опознать в разных частях Восточной Европы. Чаще всего палинолог узнает у археолога, что раньше, что позже, и в соответствии с этим строит свои последовательности изменений растительности. Ведь в пределах этого климатического периода преобладали сосна, ель и береза, вот и все разнообразие пыльцевых диаграмм. Археологи с восторгом смотрят на шкалу изменений растительности, где шаг — 200 лет (Кравцов, 2000). Но ведь нужен не шаг в 200 лет, а определенная граница — между пребореалом и бореалом. Вот этой-то границы и нет у специалистов по пыльцевому анализу. Но я понимаю, что археологи склонны доверять такому уникальному специалисту, как Е.А. Спиридонова. Уникальный специалист — тот, кого никто никогда не проверяет.

Проблема источниковедения, как она обозначена автором, исключительно важна для всей работы. А.Н. Сорокин совершенно прав, когда говорит, что большинство стоянок содержит материал, одновременность которого не может быть доказана. Он полагает, что только полевые исследования могут доказать, и при этом — чаще всего в будущем, что совокупность орудий, нам доставшаяся, действительно была в руках одного человеческого коллектива. Условия накопления рыхлого материала, включающего культурные остатки, таковы, что смешение артефактов происходит немедленно, при появлении следующей группы людей, и впоследствии, с течением естественных процессов переработки вмещающей породы. На языке археолога это называется образованием археологического источника. Поскольку большинство стоянок не обладают доказательством несмешанности материала, встает вопрос, можно ли материал таких стоянок использовать для выделения единиц, например, пространственной организации материала? Так получилось, что ранее единый мезолит Восточной Европы разделили на единицы классификации, которые сразу, без колебаний, назвали археологическими культурами. Собственно, одно колебание было — в итоге культура елинборская исчезла (с. 273), не оставив воспоминаний. Теперь

и А.Н. Сорокин, и А.Е. Кравцов, и другие специалисты по палеолиту бьются над вопросом, а смешаны ли материал стоянки Беливо 4 или Рессеты 3? Однако что с чем смешивалось, было ли чему смешиваться — вот вопрос, который они обходят. Если смешивалась бутовская культура с иеневской, то, наверно, надо сначала проверить, а были ли такие культуры, то есть верно ли они выделены? Если для Бутово, как полагает А.Н. Сорокин, использованы по преимуществу смешанные коллекции (с. 269, 274, ср.: Сорокин, 1992, с. 46, 47), а равно и для Иенево (там же, с. 48), или ненадежные, по его оценке, коллекции, то можно ли начинать проверку Беливо 4А на разнокультурность? Со стороны кажется, что обойти вопрос, были ли две или три культуры в Полесье и в Поволжье, вряд ли целесообразно. На с. 267 А.Н. Сорокин признает, что существует такой вопрос: был ли местный мезолит однокультурным? А далее он ссылается на то, что поликультурность никем не оспаривается (с. 272, 273). Но кто-то должен быть умнее всех?

Стремление делить мезолитические памятники на культуры, культурные группы, еще на памятники типа Студенок — это направление, которое себя, видимо, пока не исчерпало. Но направление исследования, избранное А.Н. Сорокиным, ведет его к критической проверке результатов. Отсюда его резкая критика бутовской культуры и способов выделения этой культуры. Отсюда его стремление установить культуроразличающие (он предпочитает термин культууроопределяющие) признаки — прежде всего формы наконечников стрел. Осталось сделать только один, но самый важный шаг — усомниться в разделении памятников мезолита на бутовские и иеневские.

Придирчивое рассмотрение работы А.Н. Сорокина убеждает меня в том, что она представляет собой этап в исследовании мезолита Восточной Европы. И этот этап весьма важный. Самостоятельность мысли А.Н. Сорокина, умение по-своему подойти к своим материалам, широта взглядов производят самое положительное впечатление. Его работа полностью отвечает требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени доктора исторических наук. Автореферат

соответствует содержанию диссертации, а опубликованные работы достаточны, чтобы представить содержание диссертации».

На этом отзыв Г.П. Григорьева заканчивается. Далее воспроизвожу собственный ответ оппоненту. В целях экономии места и соответствия издательским требованиям счел уместным внести в него небольшие купюры.

«Прежде всего хочу искренне поблагодарить Геннадия Павловича за высокую оценку моей работы в его, как он назвал сам, “придирчивом” отзыве. Безусловно, ряд сделанных им замечаний мною будет учтен при подготовке рукописи к печати. Некоторые из затронутых им вопросов требуют уточнения, однако большинство проблем, о которых говорит Геннадий Павлович, носят дискуссионный характер. Не вдаваясь в частности, остановлюсь на наиболее важных из них.

Действительно, степень изученности мезолита Восточной Европы в целом далека от полноты, но этому есть логическое объяснение: несопоставимость масштабов Восточной Европы и Польши и плотности археологов в пересчете на квадратные километры площади. Впрочем, если сравнивать сопоставимые с Польшей величины, такие как Украина или Волго-Окское междуречье, эта диспропорция не будет значительной.

Не могу согласиться с утверждением Геннадия Павловича о том, что моя диссертация “посвящена преимущественно территориальным и хронологическим подразделениям восточноевропейского мезолита” и “установлению соотношения между бутовской, иеневской и рессетинской культурами”. Это две конкретные из рассматриваемых проблем, но, как справедливо отметил Геннадий Павлович, “конечно, не все проблемы”. Тем более что не менее половины из 80 написанных мною работ посвящены разработке характеристик конкретных культур, принципам их выделения, определения своеобразия и возможных связей. Характеристики бутовской, иеневской, песочноровской и рессетинской культур мне представляются достаточно разработанными, чтобы уделять им основное внимание в диссертации. Поэтому, касаясь каждой из них,

я ограничился тем новым, что внес непосредственно. Детальный анализ, кроме объема, вряд ли прибавил бы что-либо к содержательной части работы.

Двадцатипятилетний опыт работ привел меня к выводу, что культурно-генетические схемы должны строиться не просто на коллекциях, прошедших источниковедческую критику, но прежде всего на понимании сути, что представляет собой мезолитический источник. *Поэтому ключевая проблема диссертации — это проблема источниковедения.* Проблема источниковедения — и я здесь абсолютно согласен с Геннадием Павловичем — не ограничивается пространственной структурой культурного слоя мезолитических памятников. Она гораздо шире, хотя без пространственной структуры нельзя подойти к пониманию сути мезолитических источников. И здесь я тоже согласен с утверждением Геннадия Павловича о том, что аксиоматичность многих очевидных вещей требует доказательства, а не постулирования. Не все, что кажется очевидным, объективно. В этой связи уместно вспомнить выражение Г. Эггерса: «И археологические памятники могут лгать». Элементарная проверка вывода о контактах, который якобы следует из совместного залегания разнокультурных находок в одном месте, показала, что этот постулат выдает желаемое за действительное.

Что касается вопросов различения культур, я не являюсь строгим сторонником выделения мезолитических культур лишь по охотничьему вооружению. Оно действительно наиболее показательно и в большинстве случаев самодостаточно. Кроме того, его на стоянках бывает не так много, что упрощает анализ, поэтому, как правило, исследователи и ограничиваются охотничьим вооружением. В ряде случаев показательными бывают и массовые категории изделий, такие как скребки, резцы, топоры или тесла и т.д. Иногда коллекции отличает весь облик инвентаря, массивность или, напротив, микролитоидность. В культуроразличении, как и в любом деле, важно найти золотую середину, поэтому уместно вспомнить и перефразировать уже забытое выражение: «Методика не догма, а средство познания». Следует напомнить и тот вывод, к которому я пришел в ходе работы: не все типы охотничьего вооружения равнозначны

для культурной атрибуции. Например, вкладыши из фрагментированных пластин встречаются практически во всех мезолитических культурах, поэтому признак этот фоновый и он ничего не дает для культурной атрибуции.

Геннадий Павлович справедливо отмечает, что «границы песочноровской и иеневской культур не обладают нужной определенностью». Об этом же, а также о типологическом тождестве этих культур я говорил еще в 1981 г. на конференции в Киеве, правда, статья вышла на украинском языке в квартальнике Института археологии Украины, поэтому могла остаться не известной оппоненту. Но не это послужило основой для расплывчатости вывода о культурной принадлежности Красной 1 «Вася», как и Красной 8 «Пенешки». Просто те коллекции и культуры, с которыми их приходится сопоставлять, не обладают достаточной чистотой и надежностью. Поэтому выводы и о жиздринских стоянках не могут пока быть однозначными и окончательными.

Геннадий Павлович прав, когда говорит, что «традиция — это наименее ясное понятие, используемое автором», однако это утверждение относится не только ко мне. С одной стороны, здесь общая теоретическая неразработанность понятия в приложении к мезолиту, с другой — малочисленность дат и «размытость» признаков многих мезолитических культур. Эти причины не позволяют реально синхронизировать культуры или отождествлять их друг с другом. Более того, кроме констатации свидерской или аренсбургской традиции никто пока не произвел масштабного сравнения культур, отнесенных к каждому из этих понятий. Не могу исключить, что в ряде случаев, как и с поликультурностью, ответ будет далеким от традиционных представлений о наследовании. Приведу лишь один пример: сравнение традиционно постсвидерской кундской культуры со свидерской, выполненное польской исследовательницей С. Сульгостовской, ставит под сомнение наличие между этими культурами существенной связи. По ее данным, фактически единственный признак, который может расцениваться в качестве свидерского наследия — это плоская ретушь на наконечниках, но достаточно ли одного признака для констатации традиции,

если плоская ретушь и близкие формы наконечников не имеют ни территориального, ни хронологического единства?

Нельзя исключить, что в ряде случаев модель передачи традиции аналогична виллендорфско-павловско-костенковской общности. В ней традиция отражает не связь на всем Европейском приледниковом пространстве, а последовательную миграцию населения в направлении с запада на восток. Однако в целом вопрос о традиции выходит за рамки данной диссертации и требует специальной разработки. Это то направление, которым я надеюсь заняться в ближайшем будущем.

Не могу согласиться с утверждением оппонента, о том “что, выделяя новый тип наконечника — рессетинский, я переоценил распространенность этой разновидности и что часть из изделий — это пластинки с притупленным краем, незаконченные обработкой”. Это впечатление могло сложиться у Геннадия Павловича на основе рисунков, где представлены отдельные фрагментированные предметы, которые действительно не поддаются четкой атрибуции. Но во всех представительных рессетинских коллекциях наконечники из микропластин с боковой выемкой и микролиты с затупленным краем — это абсолютно самостоятельные категории орудий. Конечно, и эти категории, и шиповидные рессетинские наконечники, и асимметричные острия составляют “сопряженную группу” (по терминологии М.Д. Гвоздовер и Г.П. Григорьева). Но сопряженность — это явление, общее для каменного века, оно не отрицает категориального своеобразия каждого из элементов сопряженной группы. Например, точно такую же сопряженную группу образуют те же изделия в костенковско-авдеевской и каменно-балковской культурах. Типичные и атипичные наконечники с боковой выемкой, микролиты с затупленным краем и ножи костенковского типа образуют в костенковско-авдеевской культуре сопряженную группу, не разделяемую, как показала В.И. Беляева, даже статистически. В песочноровской и иеневской культурах сопряженную группу образуют черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой, алтынские вкладыши, высокие трапеции и треугольники. Более того, во многих мезолитических

культурах техника нуклеуса и резцовая техника взаимосвязаны, но отрицать на этом основании объективность резцов и нуклеусов вряд ли кто осмелится.

Что касается микрорезцовой техники, речь, конечно же, идет не о моем преклонении перед авторитетом польских коллег или яниславицкой культурой. Это действительно особая техника, а «не производственный брак или неумение мастера, который, ретушируя край пластины, нажал слишком сильно», как утверждает глубокоуважаемый оппонент. То, о чем говорит Геннадий Павлович, — это псевдомикрорезцы. Они присутствуют в граветтских памятниках и, в частности, на стоянке Авдеево и некоторых неродственных мезолитических культурах, например бутовской, коморницкой или песочноровской, но микрорезцовая техника не имеет к ним никакого отношения. Это азбучная истина для любого исследователя мезолита. Микрорезцовая техника впервые была выделена классиком британского мезолита Грегом Десмондом Кларком еще в 1932 г. в его монографии “Мезолитический век Британии” по материалам британского маглемозе. Неудивительно поэтому, что она долгое время являлась “визитной карточкой” культуры маглемозе и до сих пор продолжает отождествляться с ней. Тем не менее с 60-х годов XX в. микрорезцовая техника стала широко известна в Африке, во многих палеолитических и мезолитических культурах Европы, большинство из которых не имеют к маглемозе никакого отношения. Из тех стоянок, которые должны быть хорошо известны оппоненту, можно назвать Каменную Балку 1–3, Супонево и Гагарино. Неудивительно поэтому, что микрорезцовая техника присутствует и в рессетинской культуре. Кстати, с Гагарино я связываю и генезис рессетинской культуры (о чем скажу чуть ниже). Обширная библиография по микрорезцовой технике и ее прекрасное описание имеется в монографии Д.Ю. Нужного “Развитие микролитической техники в каменном веке” (Киев, 1992). Без преувеличения микролитическая техника — это “классическая” техника производства микролитов. Полагаю, этого достаточно, чтобы говорить об ее объективности.

Не могу разделить сомнения Геннадия Павловича относительно “проникновения в Восточную Европу и на территорию Польши аренсбургской культуры”. Не говоря о последних данных, напомним лишь классическую монографию Вольфганга Тауте 1968 г. “Культуры наконечников с черешком в Центральной Европе”, в которой на территории Польши отмечено не менее 10 аренсбургских стоянок. Наиболее известные среди них Цаловане (слой 5), Янушково, Гнездо и Смольно-Вельке. В России всем известная стоянка Гремячее 1 на Оке, с которой началось отечественное мезолитоведение, — это тоже “чистая” аренсбургская стоянка. Можно назвать также и стоянки Теплый Ручей, Бенской Порог на Верхней Волге, Красноселье на Верхнем Днепре и др. Конечно, их пока не так много, но в их присутствии сомневаться не приходится. Так же, как и в присутствии в Восточной Европе памятников культуры федермессер, к которой относятся стоянки Тимоновка 1 и 2 на Десне, или культуры Лингби — это стоянки Подол 3 и Ланино на оз. Волго, Вышегора на Верхнем Днепре, Троицкое 3 на Верхней Волге. Данные позволяют со всей очевидностью говорить о том, что в конце плейстоцена вся приледниковая Европа была ареалом населения культур Аренсбург, Федермессер и Лингби, действительно лучше изученных по материалам Западной и Центральной Европы. Присутствие в Восточной Европе западноевропейских культур закономерно и вызвано геоморфологией позднеплейстоценовой Европы. Это единство объясняется географией и экологией Европейской приледниковой области, тем обстоятельством, что все это территория главного Европейского пояса полесий, который сформировался в эпоху Великого Валдайского оледенения. Европейские ландшафты низменности и были средой обитания населения этих культур. Эти же причины позволяют связывать генезис рессетинской культуры с верхним палеолитом типа Гагарино.

В настоящее время к рессетинской культуре относится не менее 15 памятников, поэтому вопрос, можно ли на основании двух памятников выделить археологическую культуру или культурную группу, для нее не актуален.

Что касается связи рессетинских наконечников с боковой выемкой и микролитов с граветскими, то я говорю об этом явлении не вообще, а лишь об их сходстве с изделиями из Гагарино, где имеются абсолютно те же формы охотничьего вооружения. При этом временная разница между ними мне не представляется столь очевидной, как Геннадию Павловичу. Две наиболее поздние даты Гагарино равны 18 000 лет. Слои рессетинских стоянок Суконцево 9, 10 и Хрипелево 2 (нижний слой) залегают во флювиогляциальных отложениях второй террасы р. Волги, следовательно, время их формирования относится тоже к плейстоцену, причем не к самому его финалу. Наконец, радиоуглеродная дата верхней пачки нижнего слоя стоянки Минино 2 равна 11 000 лет. Конечно, этого пока мало, чтобы заполнить лауну, тем не менее я бы не был столь категоричен в выводе об отсутствии между ними всякой связи. Сходство рессетинского вооружения с находками из Гагарино настолько велико, что не производит впечатления случайного. Время покажет, насколько справедливы мои предположения.

Несколько слов о парадоксальности, которая якобы “примечательное качество всей рецензируемой работы”. Не могу согласиться с тем, что в основание рассуждений мною положены смешанные коллекции. В каждой из рассматриваемых культур есть “чистые” комплексы. Но точно так же в каждой из них есть и смешанные материалы. Опыт убеждает меня, что выводы, которые делаются из них, могут быть диаметрально противоположными. Поэтому я считаю необходимым говорить об этом открыто, не затушевывая источник происхождения коллекции, а каждый раз четко определяя его. Предварительное описание по отдельным комплексам или раскопам и последующее суммирование данных мне необходимы для того, чтобы прийти к заключению, а с чем же в каждом конкретном случае мы имеем дело. Действительно ли с “чистыми” или со смешанными материалами, с комплексами одного порядка или разного. Особенность мезолитических материалов состоит в том, что и коллекции, полученные путем раскопок, могут быть переотложенными, то есть фактически подъемным материалом. Используемая

мною процедура позволяет понять, где кончается конкретный анализ данных и начинается “отрыв мысли от материала”, то есть момент, когда идея (представление) начинает жить самостоятельно. Пунктуальность изложения позволяет проверить всю последовательность рассуждений и их обоснованность. Только суммарное или только раздельное изложение не дают возможности проверки выводов на всех уровнях анализа. Таким образом, речь идет не о парадоксальности, а о реальной оценке возможностей любых мезолитических источников. Поэтому не могу согласиться и с утверждением Геннадия Павловича, что “доказываю взаимодействие культур на основании смешанных коллекций”. Осуществляя критику источников, в любой из анализируемых культур я выделяю и смешанные, и чистые материалы. Например, в бутовской культуре из 94 коллекций лишь 19 признано надежными (Сорокин, 1990), а в иеневской — из 58 — 14 (Кравцов, Сорокин, 1991). Именно “чистые” комплексы я и использую в своих выводах. В этом легко убедиться, обратившись к моим монографиям и статьям.

Не могу признать обоснованным и вывод оппонента, что “присутствие свидерской культуры в Восточной Европе” мною признается “на основании коллекции из Смячки XIV”. Не говоря уже о том, что Смячка XIV — это не один пункт, я неоднократно бывал в Киеве и работал с коллекциями Полесья и Крыма, а также с крымскими коллекциями ГИМа. Пользуюсь случаем, чтобы выразить слова признательности исследователям свидерских памятников Л.Л. Зализняку, А.А. Яневичу и Н.О. Бадеру. Украинские коллекции не менее богаты, чем польские. В том, что свидерская культура хорошо представлена в Восточной Европе, легко убедиться, просмотрев и библиографию к моей диссертации.

И последнее. Геннадий Павлович утверждает, что “осталось сделать только один, но самый важный шаг, усомниться в разделении памятников мезолита на бутовские и иеневские”. Здесь необходимо сказать следующее. Да, при выделении бутовской и иеневской культур в начале — сере-

дине 80-х годов XX в. были использованы по преимуществу смешанные, или ненадежные, коллекции. Это со всей очевидностью подтвердил выполненный мною в конце 1980-х годов источниковедческий анализ. Но глубокоуважаемый Геннадий Павлович не обратил внимания, что в обеих этих культурах осталось еще по 1,5–2 десятка “чистых” представительных комплексов, которые и послужили базой для уточнения характеристики обеих культур. Опыт показывает, что на начальном этапе работы нужно анализировать максимально доступную совокупность данных и лишь после оценки достоверности и надежности материалов оперировать наиболее “чистыми” из них. Поэтому на вопрос: были ли бутовская и иеневская культуры? — следует ответить утвердительно. Да, обе эти культуры — гносеологическая реальность. А сомнение в разделении памятников Волго-Окского мезолита на бутовские и иеневские хорошо тогда, когда имеются факты. Полагаю, что фактов таких пока нет, хотя нельзя утверждать, что их не будет в обозримом будущем. Впрочем, в том, что это якобы единая культура, Геннадий Павлович не оригинален. Около пяти лет с тем же пафосом о том же говорит и В.В. Сидоров. Осталось малое: получить реальное основание для сомнения.

В заключение хочу еще раз поблагодарить глубокоуважаемого Геннадия Павловича за высокую оценку моей диссертации. Благодарю за внимание».

Наконец, последнее. Так уж случилось, что по случаю юбилеев Геннадия Павловича мне довелось написать два стихотворения. Первое из них, посвященное его 70-летию, опубликовано, второе было написано в канун 75-летия и предназначалось для зачитывания при чествовании на торжественном заседании в ИИМКе. Увы, судьба распорядилась по-своему и оно так и останется в моем архиве, поэтому в заключение с болью произношу:

Утраты тяжкой горе
притупит лет река...
Память о Григорьеве
переживет века.